

Русский телеграф, 1998. — 30 янв. — с. 9

## 19. Все, что было не со мной, помню

В Москве состоялась премьера нового фильма Дмитрия Месхиева «Американка»

Фильм Виталия Каневского «Замри, умри, воскресни», под занавес горбачевской перестройки триумфально прошедший на Каннском фестивале, видимо, стал для новых русских кинематографистов ключом, подходящим к любой двери. Шальное послевоенное детство, показанное Каневским сентиментально и жестко, в стиле ностальгического натурализма, оказалось не столько Россией, которую мы потеряли, сколько Россией, обретенной фестивальным Западом. Система тамошних ожиданий была удовлетворена полностью. С одной стороны, блевотная «правда жизни», впрочем, не без расхожего эстетизма, в мало-голландском вкусе, с другой — она же, умасленная жирной блатной слезой. В результате Россия представляла на экране доступной для культурного глаза, но откровенно отвратной, что всегда льстит просвещенной загранице, и в то же время — по-своему, по-медвежьему очеловеченной, что позволяет уважающей себя публике преисполниться в темноте зала самыми светлыми чувствами. Спустя почти десять лет Дмитрий Месхиев, сняв «Американку», дословно воспроизвел тот же набор, с той лишь разницей, что детство его пришлось не на буйные послевоенные, а на тихие семидесятые годы. Разница эта вышла сокрушительной.

Как и картина Каневского, фильм Месхиева — притча, где любые условности (явления умершего брата, например) заведомо из-

виняются точностью выбранной метафоры. Но именно этого про «Американку» не скажешь. Цветущий брежневский застой был менее всего ареной для кровавых дворовых стычек, не подвластных никакой милиции, как в «Вестсайдской истории» или в последней экранизации «Ромео и Джульетты» Бэза Лурманна. То есть стычки, возможно, и были, и даже неподвластные, но они так же мало представляют эпоху, как запоздалые нигилисты — царствование Александра Третьего. Монументальный, застывший генсек — тоже царь «огромный, водянистый», и, опять процитируем Блока, «в те годы дальние, глухие, в сердцах царили сон и мгла»: слово «застой» при всей своей пошлости достаточно адекватно. Не стычка, а, наоборот, невозможность стычки характеризует время — «и, встретившись лицом с прохожим, ему бы в рожу наплевал, когда б желания того же в его глазах не прочитал».

Но беда даже не в том, что в «Американке» нет «правды жизни», Бог с ней, с жизнью, нет правды воспоминания — и тогда зачем все, непонятно. Я могу, конечно, ошибаться, но с большой вероятностью можно предположить, что затхлую провинциальную Россию, изображенную в его последнем фильме, Дмитрий Месхиев, сын знаменитого лентфильмовского оператора, видел разве что из окна поезда, мчащегося в курортный Крым. Это не его «Зам-

ри, умри, воскресни», не его «Амаркорд», это — выдуманный, сконструированный мемуар, чужой и чуждый. Получилось, как в показанную им же эпоху застоя, когда полагалось изображать одни рабоче-крестьянские страсти, потому что других не существовало. Заказ западного кинофестиваля удивительно схож с тогдашним госзаказом. Есть, впрочем, некоторые нюансы.

Сегодня, когда превыше всего ценится занимательность, на любой, самой документированной помойке должен неожиданно появиться павлин. Натурального павлина уместно изобразить одна Кира Муратова. Остальные довольствуются фигуральными. Мастером такого фигурального павлина стал сценарист Юрий Коротков, когда-то создавший «Аварию — дочь мента», а нынче идущий нарасхват среди новых русских режиссеров. Павлин в «Американке» аж двигает сюжет: такова история разбившегося в катастрофе старшего брата, который после смерти время от времени возникает на своем таинственном мотоцикле. Все это имеет не только туманно-мистический, но и прямой драматургический смысл: храня в душе образ погибшего, юный герой охраняет его овдовевшую подружку от ухаживаний посторонних злых дядей и в конце концов на ней женится. Роль являющегося во плоти покойника в этом деле, как и полагается, сакраментальна и невятна: он и препятству-

ет новому браку, и благословляет его одновременно. Младший становится местоблюстителем, а после выдержанных испытаний и заместителем старшего, согласно древнему обычаю левирата. Россия брежневского застоя окончательно превращается в архаический заповедник до образования семьи, частной собственности и государства.

Нельзя сказать, чтобы фильм «Американка» был окончательно плох. Это крепкая, профессиональная, порой даже выразительная работа с одной большой глупостью да двумя-тремя мелкими сбойками, и только. Но пленительной Ингеборге Дапкунайте из первой картины Месхиева «Циники», так восхитительно сочетавшей холодность со страстью и алчность с гибельным самопожертвованием, там нет в помине. Нет и изысканной, до мельчайших деталей продуманной и вместе с тем вдохновенной небрежности «Экзерсиса № 5», после которого казалось, что Месхиев — лучший из новых русских режиссеров. Теперь не кажется. И, ничуть не злорадуясь, а, напротив, от души сочувствуя, хочется сказать: Дима, Вы не Каневский. Как у него, все равно не получится. Он ведь и в самом деле блатной. Он — сидел. А Вы, слава Богу, сидели только на интеллигентской кухне. Здесь нет никакого повода для гордости, но и стесняться этого, право слово, не стоит.

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВСКИЙ